

Элмет был последним независимым королевством кельтов на территории Англии, изначально занимая большую часть Йоркской долины... Еще в семнадцатом веке эта отрожистая гряда невысоких, сглаженных древними ледниками холмов с вересковыми пустошами на гребнях считалась «бесплодной землей» и служила пристанищем для людей вне закона.

Тед Хьюз. Остатки Элмета¹

¹ «Остатки Элмета» — книга стихов британского поэта-лауреата Теда Хьюза (1930–1998), опубликованная в 1979 г. и посвященная описанию его родных мест в западном Йоркшире. — *Здесь и далее примеч. перев.*

I

Я не отбрасываю тени. Облако дыма висит позади, приглушая солнечный свет. Я считаю шпалы и сбиваюсь со счета. Начинаю считать рельсовые стыки. Я иду на север. Два моих первых шага были медленными и неуверенными. Я сомневался, выбирая направление, но сейчас, когда выбор сделан, остается только идти вперед. Это чем-то сродни турникету с односторонним проходом.

Я все еще чувствую запах гари. Вижу обугленный остов дома. Вновь слышу эти голоса: несколько мужских и один женский. Ярость. Страх. Решимость. Затем гибельная дрожь деревянных перекрытий. И языки пламени. Порыв жаркого, сухого воздуха. Моя сестра с кровавыми потеками на коже, а потом всему этому конец.

Продолжаю идти вдоль путей. Заслышав отдаленный шум поезда, ныряю за куст боярышника. На сей раз это не пассажирский, а товарняк. Глухие стальные вагоны украшены аляповатыми эмблемами: геральдика их юности, оставшейся в давнем прошлом. А поверх этого — ржавчина, грязь и многолетние наслоения смога.

Накрапывает дождь, потом он прекращается. Ветви кустов отяжелели от влаги. Сырая трава поскрипывает под ботинками. Мышцы

Фиона Мозли

начинают болеть, но я не обращаю внимания. Я бегу. Я иду. Снова бегу. Еле волочу ноги. Делаю передышки. Пью дождевую воду из углублений в бетоне. Поднимаюсь. Иду дальше.

Меня терзают сомнения. Если она, дойдя до железной дороги, свернула на юг, то шансов у меня нет. Тогда ее уже не найти. Тогда я могу сколько угодно шагать, бежать трусцой или нестись во всю прыть, а могу и остановиться, лечь поперек пути и ждать, когда меня разрежут колеса очередного поезда: разницы никакой. Если она свернула на юг, она для меня потеряна.

Но я выбрал север и следую в этом направлении.

Я не признаю ограничений и запретов. Я нарушаю границы частных владений. Я преодолеваю заборы из колючей проволоки и запертые ворота. Я прохожу через промышленные зоны и через садовые участки. Для меня не существуют пределы графств, городов и сельских приходов. Я иду напрямик через пашню, пастбища или парки.

Рельсы ведут меня между холмами. Поезда катят вдоль склонов, ниже вершин, но и не по самому дну расселин. Я устраиваюсь ночевать на краю мохового болота, наблюдаю за ветром, за воронами, за далекими автомобилями на шоссе; вспоминаю эти же края, только южнее, только раньше, в другое время; затем наплывают воспоминания о доме, о семье, о прихотях судьбы, о началах и концах, о причинах и следствиях.

Поутру я продолжаю свой путь. Под моими ногами — остатки Элмета.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мы приехали сюда в начале лета, когда вся округа пышно зеленела, дни были длинными и жаркими, а солнечный свет зачастую смягчался облачной пеленой. Я разгуливал без рубашки (к чему пропитывать ее потом?) и нежился в объятиях густого воздуха. В те месяцы мои костлявые плечи покрылись россыпью веснушек. Солнце садилось медленно; по вечерам небо приобретало оловянный оттенок, а после недолгой ночной тьмы уже вновь пробивался рассвет. Кролики всю резвились в полях, а при некотором везении, в безветренный день с легкой дымкой на склонах холмов, нам случалось увидеть и зайца.

Фермеры отстреливали хищников и вредителей, а мы ловили силками кроликов для рагу. Но только не зайца. Моего зайца. Точнее говоря, зайчиху, которая обитала со своим выводком в гнезде где-то под железнодорожной насыпью, давно притерпевшись к периодическому грохоту составов. Я никогда не видел ее вместе с зайчатами; всякий раз она тихо и незаметно покидала гнездо в одиночку. Такое поведение — надолго оставлять потомство и носиться туда-сюда по полям — было нехарактерно для ее сородичей в этот период лета. Она все время что-то

Фиона Мозли

искала: еду или, может, самца. Причем стиль этого поиска больше напоминал охоту, как будто зайчиха однажды по здравом размышлении отказалась от привычной роли жертвы и решила перейти в разряд преследователей. Для наглядности вообразите гонимого лисой зайца, который вдруг, резко остановившись, разворачивается, и далее погоня идет уже в обратном порядке.

Как бы то ни было, эта зайчиха отличалась от всех прочих. Когда она пускалась во всю прыть, я с трудом улавливал ее взглядом, а когда замирала на месте, то в эти мгновения она была самым неподвижным объектом из всех на многие-многое мили вокруг. Неподвижнее дубов и сосен. Неподвижнее скал и столбов. Неподвижнее рельсов и шпал. Казалось, она вдруг завладевала окружающей местностью и прищипливала ее собою прямо в центре, так что даже самые спокойные, самые статичные объекты непостижимым образом начинали вращаться вокруг нее, затягиваемые, как водоворотом, ее громадным круглым янтарным глазом.

Если зайчиха казалась целиком сотканной из мифов, то таковой была и земля под ее ногами. Все это графство, ныне реденько утыканное рощами, некогда считалось дремучим лесным краем; и по сей день в ветреную погоду еще можно почувствовать призрачное присутствие той реликтовой чащи. Почва жила бесчисленными историями, что расцветали, чахли и перегнивали, чтобы затем вновь пустить корни, пробиться через подлесок и сделаться частью нашей жизни. Пре-

дания о следящих за путниками «зеленых человечках» с лиственным лицом и кривыми сучковатыми ногами. Сиплый лай вошедших в раж гончих, в последнем рывке настигающих добычу. Робин Гуд и его шайка отморожков с их лихими пересвистами, борцовскими состязаниями и буйными попойками — вольные как птицы, чьи перья они носили на своих шляпах. В старину лес широкой полосой тянулся с севера на юг. Здесь водились кабаны, медведи и волки. Лани, косули, олени. Мили грибницы под землей. Подснежники, колокольчики, примулы. Но вековые деревья уже давно уступили место пашням, лугам, зданиям, шоссе и железным дорогам, так что от прежнего леса лишь местами сохранились рощи вроде нашей.

Папа, Кэти и я обитали в доме, сооруженном Папой из материалов, какие удалось раздобыть поблизости. Он выбрал для жилища эту ясеновую рощу из-за ее местоположения: через два поля от железнодорожной магистрали, идущей вдоль восточного побережья, — достаточно далеко, чтобы оставаться незамеченными, но и достаточно близко, чтобы слышать и различать поезда. А слышали мы их часто: звонкий гул пассажирских экспрессов и одышливое пытение товарняков, скрывавших свои грузы за стенками размалеванных стальных вагонов. У них были четкие расписания и интервалы, и наш дом, как дерево годовыми кольцами, обрастал их регулярной циркуляцией и перезвоном колес, подобным «музыке ветра». Длинные, цвета индиго «Аде-

ланте» и «Пендолино»¹, что курсировали между Лондоном и Эдинбургом. Поезда покороче и постарше, со ржавчиной на дребезжащих пантографах. Почтенные ветераны, похожие на старых ломовых лошадей, плетущихся в свой последний путь на живодерню; они были слишком медлительны для новых путей и проскальзывали колесами по горячекатаной стали, как скользит дряхлый старик на заледенелой луже.

В первый же день нашего пребывания на этом холме сюда подкатил грузовик с отставным солдафоном за рулем. Кузов и прицеп грузовика были наполнены битым камнем с какой-то заброшенной строительной площадки. Солдафон предоставил Папе выполнять большую часть работы по разгрузке, а сам пристроился на свежесрубленном бревне и одну за другой курил самокрутки, которые делала для него Кэти из собственных запасов табака и бумаги. Он внимательно следил за тем, как она сворачивает очередную сигарету и проводит кончиком языка по клеящему краю бумаги. Он задерживал взгляд на ее правом бедре, где был пристроен кисет, и несколько раз брал его под предлогом чтения надписей, наклоняясь вперед и как бы невзначай задевая ее руку. А когда Кэти делала самокрутки для себя, он спешил поднести огоньку и обижался, как маленький,

¹ «Аделанте» и «Пендолино» — марки скоростных пассажирских поездов, используемых в Великобритании; при этом «Аделанте» являются дизель-поездами, а «Пендолино» — электропоездами.

всякий раз, когда она вместо этого прикуривала от своей зажигалки. При этом он явно не замечал насупленного, сердитого выражения ее лица. Он был не из тех, кто может, взглянув на лицо человека, сразу понять, что к чему. И уж точно не из тех, кто способен угадывать мысли по глазам и движениям губ. Да ему, небось, даже в голову не приходило, что за милым личиком могут скрываться отнюдь не такие же милые мысли.

Этот вояка полдня трепался об армии, о своих храбрых похождениях в Ираке и Боснии, о парнишках моего возраста со вспоротыми животами, кишками наружу и посиневшими лицами, каковых он якобы навидался в тех краях. Он как будто слегка темнел изнутри, когда рассказывал эти истории. Папа весь день занимался домом, а вечером мужчины спустились к подножию холма, чтобы распить на двоих пластиковую бутылку сидра, привезенную солдафоном. Папа там надолго не задержался. Он вообще не особо тяготел к выпивке и веселым компаниям, вполне довольствуясь обществом моей сестры и меня.

По возвращении Папа сказал, что у них с воякой вышла размолвка. Кончилось тем, что Папа подрихтовал ему физию левым хуком, при этом слегка раскровянив себе большой палец сбоку от костяшки.

Я спросил, из-за чего случилась их ссора.

— Из-за того, что он был поганцем, Дэниел, — пояснил Папа. — Просто он был поганцем.

И мы с Кэти признали это веским основанием.

Фиона Мозли

С виду наш дом не особо отличался от большинства летних дач или скромных коттеджей на окраинах заштатных городков, где коротают свой век старики и всякая беднота. Папа не был архитектором, но его навыков и умений хватило на то, чтобы следовать эскизному проекту, который он походя умыкнул из какой-то муниципальной конторы.

В то же время дом этот был куда прочнее большинства своих собратьев, поскольку при его возведении использовались более качественные кирпичи, цемент, камни и бревна. Я не сомневался, что он сможет простоять в целости и сохранности на десятки сезонов дольше, чем хибары, понастроенные вдоль трасс перед въездом в город. Да и смотрелся он не в пример симпатичнее. Зеленый мох и лесной плющ наперегонки карабкались по его стенам, дабы он как можно скорее вновь слился с окружающим ландшафтом. Каждый раз при смене времен года дом казался все более старым по сравнению с его действительным возрастом, а чем старше он выглядел, тем крепче была наша вера в его надежность и долговечность — как оно и положено всем настоящим домам и всем людям, называющим эти дома родными.

Как только внешние стены достигли проектной высоты, я приступил к разбивке цветника. Воспользовался траншеей, которую Папа выкопал под фундамент, а после его закладки так и не удосужился засыпать оставшийся проем. Я этот проем расширил и натаскал туда компоста, а также свежего навоза из конюшен в восьми милях от нас, где маленькие девочки в желто-коричне-

вых бриджах и блестящих сапожках катались на пони в манеже с заливым освещением. Я посадил фиалки, нарциссы и розы самых разных цветов, а также черенки какого-то вьющегося растения с белыми цветками, которое обнаружил на одной старой каменной изгороди. Время года было неподходящим для посадки, но некоторые семена все же проросли, а на следующий год молодых побегов стало больше. Терпеливое ожидание — вот из чего составляется воистину родной дом. Ты постепенно делаешь его своим, обживаешь, приспособливаешь его и себя к сменяющимся сезонам, к проходящим месяцам и годам.

Мы прибыли сюда перед моим четырнадцатым днем рождения, а Кэти чуть ранее стукнуло пятнадцать. Лето только начиналось, и у Папы было довольно времени для строительства. Он собирался полностью управиться задолго до наступления зимы, и уже к середине сентября в доме были созданы мало-мальские условия для проживания. А до того мы ночевали в двух списанных армейских фургонах, которые Папа приобрел у одного барыги в Донкастере и перегнал сюда окольными проселочными дорогами. Мы протянули между ними несколько стальных тросов, а поверх настелили брезент, надежно его закрепив, и в результате получили укрытие от дождя. Папа спал в одном фургоне, мы с Кэти в другом, а под брезентовым навесом расположились выдавшие виды садовые стулья из пластика, к которым через некоторое время добавился продавленный синий диван. Мы использовали этот пятачок в качестве гостиной. Посуду мы держали

Фиона Мозли

на перевернутых старых ящиках, повыше от земли, и на такие же ящики удобно клали ноги теплыми летними вечерами, когда не было других занятий, кроме как сидеть вразвалочку, болтать о том о сем и распевать песни.

В хорошую погоду мы оставались снаружи до утра. Настраивали радио в обоих фургонах на одну волну, и под это «лесное стерео» мы с Кэти танцевали на травяной танцплощадке, не беспокоясь насчет громкости музыки, которая все равно не могла потревожить соседей за отсутствием таковых в пределах слышимости. Иногда мы сидели и пели, не включая радио. Несколько лет назад Папа купил мне деревянную блокфлейту, а Кэти — скрипку. Мы брали бесплатные уроки, когда еще ходили в школу. Virtuозами мы, ясное дело, не стали, но дуэтом звучали неплохо — во многом благодаря самим инструментам. Папа сделал удачный выбор. Он был полным профаном в музыке, но зато знал толк в хороших вещах. О достоинствах инструментов он судил по характеристикам древесины, из которой они были сделаны, по качеству склейки, запаху лака и ровности стыков между деталями. Мы ездили за ними аж в самый Лидс.

В чем Папа разбирался отлично, так это в деревьях. Вскоре после того, как мы решили поселиться на этом холме, он изучил здешнюю растительность и ознакомил с ней меня. Почти все ясени были в возрасте от одного до пятидесяти лет. Папа считал, что роща образовалась уже давно — возможно, сотни лет назад. Чем ближе мы подходили к самому ее центру, тем старше были

деревья, а одно из них, явно самое старое, Папа назвал материнским и сказал, что от него произошли все остальные. Ему было не менее двухсот лет, а его твердая кора напоминала застывшие потеки смолы каури.

Помимо ясеней, в роще попадались кусты орешника; часть из них плодоносила. Папа срезал ветви и показывал мне, как мастерить поделки из свежей древесины с помощью одного лишь острого складного ножа. Я потратил немало дней на превращение обрубка ветки в тонкую флейту: удалил мягкую кору, вырезал мясистую сердцевину и долго провозился с внешней отделкой, стараясь, чтобы поверхность была как можно более гладкой, а выемки с дырочками точно соответствовали изгибу моих пальцев. Вот только извлечь из этой флейты звук мне не удалось. Посему я переключился на более практичные поделки, не требующие от резчика большого таланта и пригодные для использования даже в бракованном виде. Самая уродливая чашка все равно будет считаться чашкой, если она держит жидкость. Но если на флейте невозможно играть, она вообще недостойна называться флейтой.

В нашем лесном жилище имелась кухня с плитой и большим дубовым столом. А поначалу Папа готовил еду на примитивной жаровне, которую он соорудил из кусков рифленого железа, а древесный уголь выжигал в двух бочках из-под солянки, размещенных в глубине рощи, неподалеку от материнского дерева.

В ту пору мы ели слишком много мяса. Собственно, наша еда была такой же, какую готовил

Фиона Мозли

себе Папа до того, как мы стали постоянно жить с ним. А мясо он по большей части добывал охотой. Овощи и фрукты его не интересовали. Он ловил силками лесных голубей и сизарей, горлиц, фазанов и куликов — обычно по вечерам, когда они вылетали из зарослей на открытое место. В этих краях водились и небольшие олени-мунтжаки, на которых он также охотился. Если же дичи попадалось мало, а у него имелись деньги или что-нибудь на обмен, он отправлялся в деревню, чтобы разжиться куском говядины или баранины либо связкой свиных сосисок. В разгар охотничьего сезона мы обычно завтракали самой мелкой дичью. Один дядька в деревне держал сокола, который добывал больше жаворонков, чем мог съесть его хозяин, и тот обменивал излишки добычи на наших птиц покрупнее, каких соколу не словить. Жаворонков мы ели в виде бутербродов, кладя их распластанные тушки на куски хлеба, и запивали горячим чаем с молоком.

Однажды Папа укатил куда-то с компанией странников¹ и, вернувшись через четыре дня, при-

¹ *Странники* — имеются в виду кочевые этнические группы в Ирландии, Великобритании и США, по образу жизни и ряду обычаев схожие с цыганами, но генетически восходящие к коренному населению Ирландии и Шотландии. «Ирландские странники» шире распространены и гораздо более многочисленны — ок. 60 тыс. по сравнению с 2 тыс. «шотландских странников». Язык и тех и других основан на гэльском, но с многочисленными заимствованиями из других языков и намеренными искажениями слов, которые затрудняют его понимание посторонними.

вез целый мешок ощипанных уток и пять клеток с живыми курами. Курятник он соорудил напротив того места, где проектом дома предусматривалось заднее крыльцо. С той поры наш рацион пополнили яйца, а вот с овощами и фруктами — не считая ягод, которые мы собирали на обочинах дорог, — все обстояло по-прежнему.

Позднее, когда дом был уже построен, я посадил рядом несколько яблонь и слив, а Папа при каждом посещении деревни по моей просьбе стал приносить оттуда пакеты с морковью и пастернаком. Я шинковал их на чисто выскобленной поверхности кухонного стола папиными ножами, всегда острыми как бритва.

В пору строительства, в те несколько жарких сухих месяцев, когда мы вечерами пели у костра, Папа перемежал веселье вполне серьезными разговорами. Он был скуповат на слова, но мы с сестрой уже научились домысливать недосказанное. Он говорил о людях, с которыми дрался и которых порой забивал насмерть где-то на торфяных пустолях Ирландии или в черной грязи Линкольншира, прилипавшей к рукам и ногам, как чернила для снятия отпечатков пальцев. Папа боксировал за деньги в нелегальных боях без перчаток, проходивших вдали от помпезных залов и спортивных арен, но деньги там крутились изрядные, и люди с кучей невесть как и где добытой налички съезжались с разных концов страны, чтобы сделать ставки на его победу. Только полные кретины ставили против нашего Папы. Он мог отпра-